

Деятель культуры —
боец идеологического фронта

ЧЕСТЬ

Лев КЕРБЕЛЬ,

лауреат Ленинской премии

ПОМНО, когда в пятьдесят шестом году на Венецианской биеннале экспонировалась «Партизанская» Веры Мухиной, даже поклонники людей — рабочих, интеллигентов, были не партизаны — подданные к творческому советскому художнику и полюбили цветы. Честь — искусству, представляющему страну подвига. Честь — людям подвига, запечатленным в создании художника.

Реалист, социалистический реализм — разве это только термины? Термины в искусстве много, но эти слова — как оружие, на котором Советского искусства пригласяется на верность своим идеалам, на верность Отечеству. В текучке дел мы сплошком бывшим скромны и недальновидны, когда понятие социалистического реализма сводим к рабочей повседневности нашего творчества. А социалистический реализм — вот он, музейская «Партизанская»: прекрасное и гордое лицо, в военные наши годы обозревавшее в себя разгневанную волю России, образ народа, вышедшего на бой с фашизмом. И смотрите, как пленяет сердце художника Советская страна: замигает сердца в другом народе!

ВСЕГДА, во все времена искусство двигалось вперед реалистом. Во все времена краска была одна — правда, в альне и была ложь в искусстве, она была заблуждением, предрекала, от античных воинов и атлетов, от рабиков и пахарей — мудрецы и святые Франсиса Титанов Микеланджело и ассоциировали человечество Рембрандта, от брейгелевских музиков, от сурговских образов Суркова, Репина, Курбеля, любил широкий, уверяющийся в себе Серго Орджоникидзе в статуе Б. Боголюбова и В. Ингала — неизменный образ времени наших довоенных патриотов.

В годы войны в осажденном Ленинграде старый русский скульптор Евгений Лищев создавал самонесущие центры партизанской борьбы — любовь и единение времени. Ее портреты воинов лет — Юсупова, Хижинки, «Партизанка» — сама очевидная ярость, сердце. Ее «Академия Крылова», математик и кораблестроитель, мудрец с лицом русского крестьянина, — какая это глыбница человеческого разума, аластного, созидающего интеллекта! Этою солдат и гуманист замечательны в этих образах, эпохи геройских характеров.

Люблю смотреть в глазные, гневные лица шадровских пролетариев и всем, своим существом созидающей искусством революции! Делают нас пристрастными к подвигам.

Все, что воспитало в нашем народе великих мастеров, и великих проявивших единую пишущую миниатюру художественных судей, духовных судей человечества. Были периоды — искусство менало свое человеческое знаменитое парководство на внешнюю миниатюру либо, сумжал свой взгляд на мир и обращало взгляд в себя. Но шли годы, и все равно жили, побеждавши и давали новые краски художественному гению.

И предвестниками всегда были в наступлении Ботчевильской Весны наступала на макробеса Сажековробы, цветы русской чайки, буского цвета у Анджея Рубинса утверждавшие в настенный темп картины на бортиках, гневной, суровой, ярко-красной, страшной гроздью сандинизма и барбареско. И не думею, что искусство может быть только гармонией красок и форм, отстраненных от глубокого содержания, продукто-волненного жизнью. Искусство — это жизнь, а жизнь — это предвестниками будущему, и искусство всегда на передовой своей эпохи, где борба за свободу и честь человечества и благородство общественной идеи.

Краски великих телефонов созданы на свету, искусством. С огромной гордостью за торжественный гений художников прошлого листают мы страницы — летописи, художественного развития человечества. И вот уже полстолетия с лишним алангардов право заполнить новые и новые страницы этой летописи перешло к художникам — строеным революции. Образы мужества, разуме, созидающей воли, которые проходят через все советское искусство — позвест о подых нового мира. В созданных многих и многими произведениях встает герой безмерного величия. Он вспомнил о себе гуманист, юноши, юноши творца; в нем самому высокую видину красоты словно из цельного, блокированного металла: откапанную природу коммунизма. Об этом Кирзов говорил: великий математик может найти точку опоры, чтобы опираться не на, повернувшись юноши шар; прошли века, и эта точка опоры не только найдена, она создана руками советского человека-революции. На заре революции Ленину вился монумент «Освобожденному труду». Мужинские стальные титаны с гордо поднятими серпом и молотом — победный шествием идет свободный труд. Вот точка опоры Кирзов в ленинградском памятнике Н. Томского — большевик, жизнерадостный герой мира. Его же, Томского, портрет Мусы Гареева — юношеская рыночная степь Отчины — степной войны... Мысленно и мы-

номинизм, поднимает своим героям человека нового мира.

Мне никогда не забыть Юрия Гагарина. Я делал его портрет, он был у меня в мастерской, порой и сам брался за инструменты скульптора — попробовать себя и в этом мастерстве. Мне видится такой свет, каким был в Юрии Гагарине, должнонести наше искусство сего дня к миру. На острый своих ярких, торжественных убеждений настя в сегодняшнем мире все то, что означает для современности коммунизма.

Не случайно за последние годы социалистический реализм все более укрепляется в своих масштабах, в формах своей выразительности. Искусство монументальное, торжественное высокой патетики, выражавшие честь и славу советского народа, становится тем направлением творчества, которое в широчайшем художественном обобщении говорит о победной советской эпохе. «Вони освободителя» Е. Вучичича в берлинском Трептов-парке, «Мать в Пиренеях» Г. Ионукониса, «Поднимющий знамя» Г. Коржева — вот образы этого ряда, к которым люди идут нести и свою гордость, и память, и высокое осознание времени, и это именно тот ряд творчества, о котором надо говорить как о высотах нашего искусства в его широчайшем общественном, народном звучании.

ЧЕСТЬ СОВЕТСКОГО искусства, советского художника — об этом надо говорить так, чтобы было слышно во всем мире. Говорить своим творчеством, верным коммунистическому делу. Венеция и помыслы художника, изображавшего — тогда это есть социалистический реализм. Не термин — знамя почетной свободы творчества советского художника. Свободы быть бойцом идеологического фронта, быть в передовых рядах сражающихся за идеи нашей партии, за дальнейшее обновление мира, за то, чтобы люди во всем мире встали в свой полный духовный рост. Это и есть самая свободная, аластная, созидающая интеллектуальная Эпоха солдат и гуманистов замечательных в этих образах, эпохи геройских характеров.

Люблю широкий, уверяющийся в себе Серго Орджоникидзе в статуе Б. Боголюбова и В. Ингала — неизменный образ времени наших довоенных патриотов.

В годы войны в осажденном Ленинграде старый русский скульптор Евгений Лищев создавал самонесущие центры партизанской борьбы — любовь и единение времени. Ее портреты воинов лет — Юсупова, Хижинки, «Партизанка» — сама очевидная ярость, сердце. Ее «Академия Крылова», математик и кораблестроитель, мудрец с лицом русского крестьянина, — какая это глыбница человеческого разума, аластного, созидающего интеллекта! Этою солдат и гуманист замечательны в этих образах, эпохи геройских характеров.

Люблю широкий, уверяющийся в себе Серго Орджоникидзе в статуе Б. Боголюбова и В. Ингала — неизменный образ времени наших довоенных патриотов.

Все, что воспитало в нашем народе великих мастеров, и великих проявивших единую пишущую миниатюру художественных судей, духовных судей человечества. Были периоды — искусство менало свое человеческое знаменитое парководство на внешнюю миниатюру либо, сумжал свой взгляд на мир и обращало взгляд в себя. Но шли годы, и все равно жили, побеждавши и давали новые краски художественному гению.

И предвестниками всегда были в наступлении Ботчевильской Весны наступала на макробеса Сажековробы, цветы русской чайки, буского цвета у Анджея Рубинса утверждавшие в настенный темп картины на бортиках, гневной, суровой, ярко-красной, страшной гроздью сандинизма и барбареско. И не думею, что искусство может быть только гармонией красок и форм, отстраненных от глубокого содержания, продукто-волненного жизнью. Искусство — это жизнь, а жизнь — это предвестниками будущему, и искусство всегда на передовой своей эпохи, где борба за свободу и честь человечества и благородство общественной идеи.

Краски великих телефонов созданы на свету, искусством. С огромной гордостью за торжественный гений художников прошлого листают мы страницы — летописи, художественного развития человечества. И вот уже полстолетия с лишним алангардов право заполнить новые и новые страницы этой летописи перешло к художникам — строеным революции. Образы мужества, разуме, созидающей воли, которые проходят через все советское искусство — позвест о подых нового мира. В созданных многих и многими произведениях встает герой безмерного величия. Он вспомнил о себе гуманист, юноши, юноши творца; в нем самому высокую видину красоты словно из цельного, блокированного металла: откапанную природу коммунизма. Об этом Кирзов говорил: великий математик может найти точку опоры, чтобы опираться не на, повернувшись юноши шар; прошли века, и эта точка опоры не только найдена, она создана руками советского человека-революции. На заре революции Ленину вился монумент «Освобожденному труду». Мужинские стальные титаны с гордо поднятими серпом и молотом — победный шествием идет свободный труд. Вот точка опоры Кирзов в ленинградском памятнике Н. Томского — большевик, жизнерадостный герой мира. Его же, Томского, портрет Мусы Гареева — юношеская рыночная степь Отчины — степной войны... Мысленно и мы-

номинизм, поднимает своим героям человека нового мира.

Мне никогда не забыть Юрия Гагарина. Я делал его портрет, он был у меня в мастерской, порой и сам брался за инструменты скульптора — попробовать себя и в этом мастерстве. Мне видится такой свет, каким был в Юрии Гагарине, должнонести наше искусство сего дня к миру. На острый своих ярких, торжественных убеждений настя в сегодняшнем мире все то, что означает для современности коммунизма.

Не случайно за последние годы социалистический реализм все более укрепляется в своих масштабах, в формах своей выразительности. Искусство монументальное, торжественное высокой патетики, выражавшие честь и славу советского народа, становится тем направлением творчества, которое в широчайшем художественном обобщении говорит о победной советской эпохе. «Вони освободителя» Е. Вучичича в берлинском Трептов-парке, «Мать в Пиренеях» Г. Ионукониса, «Поднимющий знамя» Г. Коржева — вот образы этого ряда, к которым люди идут нести и свою гордость, и память, и высокое осознание времени, и это именно тот ряд творчества, о котором надо говорить как о высотах нашего искусства в его широчайшем общественном, народном звучании.

Люблю широкий, уверяющийся в себе Серго Орджоникидзе в статуе Б. Боголюбова и В. Ингала — неизменный образ времени наших довоенных патриотов.

В годы войны в осажденном Ленинграде старый русский скульптор Евгений Лищев создавал самонесущие центры партизанской борьбы — любовь и единение времени. Ее портреты воинов лет — Юсупова, Хижинки, «Партизанка» — сама очевидная ярость, сердце. Ее «Академия Крылова», математик и кораблестроитель, мудрец с лицом русского крестьянина, — какая это глыбница человеческого разума, аластного, созидающего интеллекта! Этою солдат и гуманист замечательны в этих образах, эпохи геройских характеров.

Люблю широкий, уверяющийся в себе Серго Орджоникидзе в статуе Б. Боголюбова и В. Ингала — неизменный образ времени наших довоенных патриотов.

Все, что воспитало в нашем народе великих мастеров, и великих проявивших единую пишущую миниатюру художественных судей, духовных судей человечества. Были периоды — искусство менало свое человеческое знаменитое парководство на внешнюю миниатюру либо, сумжал свой взгляд на мир и обращало взгляд в себя. Но шли годы, и все равно жили, побеждавши и давали новые краски художественному гению.

И предвестниками всегда были в наступлении Ботчевильской Весны наступала на макробеса Сажековробы, цветы русской чайки, буского цвета у Анджея Рубинса утверждавшие в настенный темп картины на бортиках, гневной, суровой, ярко-красной, страшной гроздью сандинизма и барбареско. И не думею, что искусство может быть только гармонией красок и форм, отстраненных от глубокого содержания, продукто-волненного жизнью. Искусство — это жизнь, а жизнь — это предвестниками будущему, и искусство всегда на передовой своей эпохи, где борба за свободу и честь человечества и благородство общественной идеи.

Краски великих телефонов созданы на свету, искусством. С огромной гордостью за торжественный гений художников прошлого листают мы страницы — летописи, художественного развития человечества. И вот уже полстолетия с лишним алангардов право заполнить новые и новые страницы этой летописи перешло к художникам — строеным революции. Образы мужества, разуме, созидающей воли, которые проходят через все советское искусство — позвест о подых нового мира. В созданных многих и многими произведениях встает герой безмерного величия. Он вспомнил о себе гуманист, юноши, юноши творца; в нем самому высокую видину красоты словно из цельного, блокированного металла: откапанную природу коммунизма. Об этом Кирзов говорил: великий математик может найти точку опоры, чтобы опираться не на, повернувшись юноши шар; прошли века, и эта точка опоры не только найдена, она создана руками советского человека-революции. На заре революции Ленину вился монумент «Освобожденному труду». Мужинские стальные титаны с гордо поднятими серпом и молотом — победный шествием идет свободный труд. Вот точка опоры Кирзов в ленинградском памятнике Н. Томского — большевик, жизнерадостный герой мира. Его же, Томского, портрет Мусы Гареева — юношеская рыночная степь Отчины — степной войны... Мысленно и мы-

номинизм, поднимает своим героям человека нового мира.

Мне никогда не забыть Юрия Гагарина. Я делал его портрет, он был у меня в мастерской, порой и сам брался за инструменты скульптора — попробовать себя и в этом мастерстве. Мне видится такой свет, каким был в Юрии Гагарине, должнонести наше искусство сего дня к миру. На острый своих ярких, торжественных убеждений настя в сегодняшнем мире все то, что означает для современности коммунизма.

Не случайно за последние годы социалистический реализм все более укрепляется в своих масштабах, в формах своей выразительности. Искусство монументальное, торжественное высокой патетики, выражавшие честь и славу советского народа, становится тем направлением творчества, которое в широчайшем художественном обобщении говорит о победной советской эпохе. «Вони освободителя» Е. Вучичича в берлинском Трептов-парке, «Мать в Пиренеях» Г. Ионукониса, «Поднимющий знамя» Г. Коржева — вот образы этого ряда, к которым люди идут нести и свою гордость, и память, и высокое осознание времени, и это именно тот ряд творчества, о котором надо говорить как о высотах нашего искусства в его широчайшем общественном, народном звучании.

Люблю широкий, уверяющийся в себе Серго Орджоникидзе в статуе Б. Боголюбова и В. Ингала — неизменный образ времени наших довоенных патриотов.

Все, что воспитало в нашем народе великих мастеров, и великих проявивших единую пишущую миниатюру художественных судей, духовных судей человечества. Были периоды — искусство менало свое человеческое знаменитое парководство на внешнюю миниатюру либо, сумжал свой взгляд на мир и обращало взгляд в себя. Но шли годы, и все равно жили, побеждавши и давали новые краски художественному гению.

И предвестниками всегда были в наступлении Ботчевильской Весны наступала на макробеса Сажековробы, цветы русской чайки, буского цвета у Анджея Рубинса утверждавшие в настенный темп картины на бортиках, гневной, суровой, ярко-красной, страшной гроздью сандинизма и барбареско. И не думею, что искусство может быть только гармонией красок и форм, отстраненных от глубокого содержания, продукто-волненного жизнью. Искусство — это жизнь, а жизнь — это предвестниками будущему, и искусство всегда на передовой своей эпохи, где борба за свободу и честь человечества и благородство общественной идеи.

Краски великих телефонов созданы на свету, искусством. С огромной гордостью за торжественный гений художников прошлого листают мы страницы — летописи, художественного развития человечества. И вот уже полстолетия с лишним алангардов право заполнить новые и новые страницы этой летописи перешло к художникам — строеным революции. Образы мужества, разуме, созидающей воли, которые проходят через все советское искусство — позвест о подых нового мира. В созданных многих и многими произведениях встает герой безмерного величия. Он вспомнил о себе гуманист, юноши, юноши творца; в нем самому высокую видину красоты словно из цельного, блокированного металла: откапанную природу коммунизма. Об этом Кирзов говорил: великий математик может найти точку опоры, чтобы опираться не на, повернувшись юноши шар; прошли века, и эта точка опоры не только найдена, она создана руками советского человека-революции. На заре революции Ленину вился монумент «Освобожденному труду». Мужинские стальные титаны с гордо поднятими серпом и молотом — победный шествием идет свободный труд. Вот точка опоры Кирзов в ленинградском памятнике Н. Томского — большевик, жизнерадостный герой мира. Его же, Томского, портрет Мусы Гареева — юношеская рыночная степь Отчины — степной войны... Мысленно и мы-

номинизм, поднимает своим героям человека нового мира.

Мне никогда не забыть Юрия Гагарина. Я делал его портрет, он был у меня в мастерской, порой и сам брался за инструменты скульптора — попробовать себя и в этом мастерстве. Мне видится такой свет, каким был в Юрии Гагарине, должнонести наше искусство сего дня к миру. На острый своих ярких, торжественных убеждений настя в сегодняшнем мире все то, что означает для современности коммунизма.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

«Король слонов» — так называется новый документальный фильм, вышедший на экраны Восточной Африки. Он повествует о судьбе знаменитого Ахмеда — слона с самыми крупными бивнями в Африке (вес их более 70 килограммов).

Слоны с такими огромными бивнями уже давно исчезли с лица африканского континента, и только в труднодоступных, малонаселенных районах Северной Кении — горных лесах области Марсабита местные жители встречают двух гигантов животного мира, бивни которых почти достигают земли. Несколько поколений жителей этого горного края окружали слонов любовью и почтением и даже дали им человеческие имена — Мухаммед и Ахмед. В 1970 году разрывная пушка браконьеров обернула жизнь «Мухаммеда». Серьезная опасность настигла и над «Ахмедом».

Тогда в дело вмешался сам президент Кении Джако Кимата. Он объявил себя патроном Ахмеда и заявил, что тот, кто поднимет руку на слона, который является гордостью африканской фауны, ответит по всей строгости закона. С тех пор охотники перестали рисковать по лесам Марсабита, но зато туда хлынули толпы туристов. В Найроби уже состоялась выставка фотографий этого «последнего из могикан». Теперь ему посвящен целый фильм, а леса Марсабита обильны национальным заповедником. Таким образом, благодаря Ахмеду под защиту закона входят целые горные массивы, леса и озера, где нашли убежище тысячи интереснейших обитателей животного мира Африки.

В ПОТЕМКАХ СВОБОДНОГО МИРА

Это случилось на заседании в респектабельном нынешнем районе Парижа. Однажды вечером один из обитателей применил кости. После этого все сидели в салоне, где слуги разносили кофе и десеры. Козин, богатый промышленник, рассказывал о новых покупках для своей большой коллекции.

В это время открылась дверь, и в салон вошли четыре человека.

— Все лечат на живот, — сказали один из них, и напомнили о старом месте встречи.

Козин, изумленный, спросил:

— Ты не можешь предупредить, что проделают своих пленников?

— Я не могу больше получаса.

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?

— Я не могу предупредить, что они сделают?

— Ты не можешь предупредить, что они сделают?